

в Европе, главным поставщике серебра в виде «ефимков» для чеканки копеек, и это падение продолжается в 1630–1640-х гг.

Авторами готовится подробная публикация результатов изучения металла русских монет «царского» периода.

С.В. ЗВЕРЕВ (Москва),
А.А. СЕЛИН, Ю.Б. ФОМИНА (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РУССКИХ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКАХ «В СВЕЕ» В НАЧАЛЕ XVII в.

Имя новгородского денежного мастера Нефедки не раз упоминалось в нумизматических исследованиях в связи с подделкой русских монет в Карелии и Ижорской земле, которые отошли к Швеции по Столбовскому миру 1617 г. И.Г. Спасский отметил, что в «Наставлении боярам, назначенным на встречу со шведским послом Стенбуком» в 1618 г. среди прочих претензий было указано, что шведы «денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свею силно и ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя» (*Спасский И.Г.*, 1972) А.С. Мельникова прямо назвала всю группу связанных по штемпелям с новгородским чеканом подделок копейками «Нефедки в Свее» (*Мельникова А.С.*, 1989. С. 145–151). Такое название получило признание в отечественной нумизматике.

Обнаруженные в СПбИИ документы дают новые сведения о мастере Нефедке и сообщают дополнительные материалы о шведских подделках, которые в 30-х гг. XVII в. сильно засорили русское денежное обращение и получили в народе прозвища «корелки худые», «воровские олонские деньги», «олонки» (*Быков А.В.*, 1992; *Зверев С.В.*, 2001а; 2002).

Новгородские воеводы 31 марта 1636 г. сообщали в Москву, что «взят за пристава» монах Антониева монастыря Нифонт по извету бывшего игумена Герасима, что «в Кореле де он был денежной мастер». На допросе Нифонт сообщил, что «был в мире в посадских людех, звали Нефедком, и до неметцкого де, государь, розоренья и при неметцких людех, как были в Великом Новгороде, торговал в Серебреном ряду и сидел в лавке за серебром за кресты и за перстни, и торговал с серебряники вместе, а серебряного де, государь, никакова дела делати не умеет, опроче золоченья, хто што готовые даст, позолотит. Да он же де Нифонт по выбору посадцких людей серебряного ряду рядовичь был до немецкого разоренья и при немецких людех в Вели-

ком Нове-городе на денежном дворе с-ыными серебряники вместе и печатал деньги на чеканех ис тянутово из готового серебра. И живучи при немецких людех оскудел, и податей де государь платить было ему нечем, и для тово он от бедности писался в свейскую сторону и из Великого де, государь, Нова-города, свез их русских людей с собою в Корелу семей з дватцать толмач немецкого языку Тимоха Хахин во 125-м году до мирного договору. И за рубежом жил в Кореле по 129-й год и кормился серебряною покупкою, а опроче де золоченья серебряного никакова дела и денег воровских за рубежом не дельвал и не умет, а из-за рубежа де в твою государеву сторону ушел побегом во 129-м году при твоём государеве при боярине при князе Даниле Ивановиче Мезецком с товарищи, и после де государь, того за рубежом не бывал, а в Онтоньеве де монастыре как постригся, тому одиннатцать лет. И будучи в монастыре серебряного дела и золоченья никакова не дельвал» (СПБИИ. Кол. 109. Д. 827). Нифонт ссылался «на весь Серебряный ряд на рядовичей, што он серебряного никакова дела не дельвал и не умеет» (СПБИИ. Кол. 109. Д. 599). Он был освобожден из-под стражи в мае 1636 г.

Все это ставит под сомнение его ведущую роль в организации производства шведских подделок. Уехав в Кексгольм в феврале 1617 г., мастер Нефедка в 1620/21 г. бежал на родину, а в 1624/25 г. постригся в Антониеве монастыре. Видимо уже к началу 1620-х гг. была ясна ошибочность обвинений этого мастера в изготовлении фальшивых копеек «в Свее», и он не попал под следствие, а спокойно жил в Новгороде.

В 1630-х гг. подобным образом была установлена невиновность Макара Терешихина (Загорского), которого некоторое время считали одним из организаторов чеканки «корелок». Отписки новгородских воевод 1631–1633 гг. отразили слухи, что он «привозит с собой серебряные деньги нового дела чекан на них имя государево... Михаила Федоровича, а на другой стороне под конем Мыслете» (СПБИИ. Кол. 109. Д. 911). В действительности, Макар Терешихин оказался в тюрьме в Ивангороде за обличение фальшивомонетчиков и покровительствующих им представителей шведской администрации, и о нем распространили ложные слухи, что «те деньги делает Макар Терешихин в деревне в своей в Ивангородском уезде из ефимков». Дело разъяснилось, когда он в 1634 г. был передан русским властям (*Экономические связи*, 1981. С. 117–118).

Фальшивомонетчик Климка Вавилов, который был выдан шведами в 1632 г., сообщил важные сведения о чеканке «корелок». Он бежал за рубеж около 1630 г. и «в Корельском уезде, в Кирьяжском погосте, в Тервозиме» стал чеканить фальшивые копейки вместе с Карпушкой серебряником, работником Семена Игумнова, уехавше-

го «с государевы стороны в Корелу из Новгорода до мирного договора». К ним присоединились крестьяне Ивашко Карпов и Дмитрейко Федоров, и «делали серебряные русские деньги все вместе, а чеканы и другие запасы были у них того Сенки Игумнова» (СПБИИ. Кол. 109. Д. 914). После претензий русской стороны Климка был арестован весной 1632 г. вместе Карпушкой и другими карельскими фальшивомонетчиками Титком и Мартынккой, но «корельский державец» за взятки всех отпустил. В августе 1632 г. Климка и другой фальшивомонетчик Мирошка Григорьев все же были отправлены в Новгород. Но Мирошка по дороге совершил побег и вскоре «объявился в Корельском уезде, в Соломенском погосте, в д. Варгоселке», где опять наладил чеканку поддельных копеек (СПБИИ. Кол. 109. Д. 915).

Для пресечения потока зарубежных подделок были приняты жесткие меры. Все обнаруженные фальшивые монеты конфисковывали с дополнительным четырехкратным штрафом, что очень быстро сделало прием «корелок» весьма невыгодным делом. Царский указ от 10 февраля 1637 г. вновь ввел смертную казнь для «денежных воров».

В.А. КОБРИНЕЦ (Пинск)

О НАХОДКАХ В БЕЛАРУСИ МЕДНЫХ МОНЕТ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Как известно, медные монеты, выпущенные в период денежной реформы 1654–1663 гг., номинально приравнялись серебряным и наряду с ними участвовали в обращении. Во время русско-польской войны 1654–1667 гг. вместе с российскими войсками новые русские монеты проникли на земли Беларуси (находившейся в составе Речи Посполитой), что зафиксировано как документами, так и нумизматическим материалом. К настоящему времени учтено 38 монетных находок той поры, в том числе — 20 с медными монетами (среди них два клада).

Письменные источники неоднократно фиксируют неприятие местным населением царских нововведений в монетной эмиссии, усилившееся с приближением театра военных действий. Могилевские, витебские, бельские и полоцкие стрельцы и солдаты, а также минские мещане и «присяжная» полоцкая шляхта пишут царю, что местные жители отказываются принимать медные монеты «за товары и за харчи и за конской корм».

Одна из важнейших причин этого видится в неудачном для России ходе войны в 1660-е гг.